

Весь материал книги, кроме того, который является плодом моих личных наблюдений или взят из официальных документов и интервью с людьми, непосредственно причастными к событиям, по большей части — результат многочисленных расспросов, которые я производил в течение долгого времени. Поскольку те, кто со мной «сотрудничал», упомянуты в тексте, излишне называть их имена здесь; однако я хочу официально принести им свою благодарность, ведь если бы не их терпеливое содействие, моя задача была бы невыполнима. Также я не стану пытаться перечислить всех тех жителей округа Финней, которые, хотя имена их и не встречаются на страницах книги, отнеслись к автору с такой теплотой и гостеприимством, за какие можно только отблагодарить, но нельзя расплатиться. И все же я не могу не сказать спасибо тем из них, кто внес в мою работу особый вклад: ректору Канзасского университета доктору Джеймсу Маккейну; мистеру Логану Сэнфорду и сотрудникам Канзасского бюро расследований; мистеру Чарльзу Макейти, директору исполнительных учреждений штата Канзас; мистеру Клиффорду Р. Хоупу-младшему, чья помощь в решении правовых вопросов неопределима; и — в последнюю, но главную очередь — мистеру Уильяму Шоуну из журнала «Нью-Йоркер», который подвиг меня взяться за эту работу и чьи замечания сослужили мне добрую службу.

Frères humains qui après nous vivez,
N'ayez les cuers contre nous endurcis,
Car, se pitié de nous povres avez,
Dieu en aura plus tost de vous mercis.

Francois Villon. Ballade des pendus

Мы жили, как и ты. Нас больше нет.
Не вздумай осуждать — безумны люди.
Мы ничего не возразим в ответ.
Взглянул и помолись, а Бог рассудит.

Франсуа Вийон. Баллада о повешенных
(Перевод И. Эренбурга)

ЧАСТЬ 1
Последние, кто видел
ИХ ЖИВЫМИ

Поселок Холкомб стоит среди пшеничных равнин западного Канзаса, в глухом краю, который прочие канзасцы обозначают словом «там». До восточной границы Колорадо всего семьдесят миль, но синева неба и пустынная прозрачность воздуха в этих краях напоминают скорее Дальний, чем Средний Запад. Местный акцент цепляет слух характерным для жителей прерий растягиванием гласных, гнусавостью ранчеро; здесь в обычае носить штаны в обтяжку, «стетсон» и остроносые сапоги на высоком каблучке. Земля тут плоская, и открывающийся вид своей бескрайностью внушает почти благоговейный страх; табуны лошадей, стада коров и белая россыпь элеваторов, высящихся величаво, как греческие храмы, видны задолго до того, как к ним приблизишься.

Холкомб тоже виден издалека. Особенно видеть, правда, нечего: беспорядочное нагромождение зданий, разделенное посередине рельсами магистрали Санта-Фе. Случайно возникающий на пути поселок, ограниченный с юга бурой лентой реки Арканзас (не путать с Канзас-Ривер), с севера — шоссе № 50, с востока и запада — прериями и полями пшеницы. После дождя или когда растает только что выпавший снег, густейшая пыль немощеных, незатененных и не имеющих названий улиц превращается в густейшую грязь. На одном конце поселка стоит старый пустой дом с неоновой вывеской «Дансинг» на крыше. Впрочем, танцы давно свернули, и вывеска уже несколько лет не светится. Рядом — еще одно здание с нелепой надписью

на грязном окне, сделанной позолоченными буквами, с которых теперь почти стерлась позолота: «Холкомбский банк». Банк закрылся в 1933 году, и бывшие конторы перестроили под квартиры. Теперь это один из двух здешних многоквартирных домов; второй — это ветхое строение, известное в народе благодаря тому, что в нем живут почти все учителя местной школы, под названием «Учительская». А в основном дома в Холкомбе одноэтажные, с верандой по фасаду.

Недалеко от станции — кренящееся набок здание почты, где восседает почтмейстерша, костлявая женщина в кожаной тужурке, джинсах и ковбойских сапогах. Сама станция — облезлый домишко цвета серы — тоже не радуется глаз. «Чиф», «Супер-Чиф» и «Эль-Капитан» каждый день проносятся мимо, но ни один из этих знаменитых экспрессов здесь не останавливается. И пассажирские не останавливаются — только случайные товарняки. Выше по шоссе есть две бензоколонки; одна по совместительству служит бакалейной лавкой (но выбор там небогатый), а вторая — кафе, «Кафе Хартман», где миссис Хартман, его содержательница, подает клиентам бутерброды, кофе, соки и легкое пиво (Холкомб, как и весь Канзас, «не употребляет»).

И это, собственно, все. Разве что стоит упомянуть еще холкомбскую школу — заведение, чей внешний облик прямо указывает на факт, который в поселке стараются не подчеркивать: родители учеников этой современной «объединенной» школы с самыми лучшими преподавателями и методиками от начальной ступени вплоть до самой последней, куда детей привозит целый парк автобусов (обычно более трех с половиной сотен ребятишек съезжаются в школу со всей округи в радиусе чуть ли не шестьдесят миль), — люди в основном преуспевающие. Большинство из них фермеры, народ пришлый и притом самого разного происхождения: немцы, ирландцы, норвежцы,

мексиканцы и даже японцы. Они разводят коров и овец, сеют пшеницу, просо, выращивают луговые травы и сахарную свеклу. Урожай повсюду зависит от удачи, а жители западного Канзаса вообще называют себя «прирожденными игроками», поскольку им вечно приходится иметь дело с исключительной скудостью осадков — в год едва набегает восемнадцать дюймов — и мучительно биться над проблемой полива. Правда, последние семь лет обошлись без засухи и были временем изобилия. А хозяева ранчо в округе Финней, к которому относится Холкомб, вообще не бедствуют: доход им приносит не только скотоводство, но и природный газ — его запасы в этих местах неисчерпаемы, — и это можно заметить по новой школе, интерьерам благоустроенных фермерских домиков и по элеваторам, которые ломятся от зерна.

Вплоть до одного ноябрьского утра 1959 года мало кто из американцев — собственно говоря, даже мало кто из канзасцев — слышал о том, что есть такое местечко Холкомб. Так же, как воды реки, так же, как автомобилисты на шоссе и желтые вагоны, громыхающие по рельсам магистральной Санта-Фе, драма, в виде какого-либо из ряда вон выходящего события, всегда миновала эти места. Жителей, которых насчитывалось ровно двести семьдесят, это вполне устраивало, и им нравилось вести обычную жизнь: работать, охотиться, смотреть телевизор, ходить на школьные собрания, занятия хора и заседания клуба «4С». Но в тот день, в предрассветные часы ноябрьского воскресенья, привычную ночную гамму Холкомба, состоящую из назойливых жалоб койотов, сухого шуршания перекаченного поля и коротких удаляющихся свистков паровоза, нарушили чуждые звуки. В ту минуту ни один человек в спальне Холкомбе не услышал четыре ружейных выстрела, погубившие, как говорили потом, шесть человеческих жизней. Зато уже после жители поселка, которые прежде доверяли друг другу настолько, что редко удосуживались

запереть дверь, снова и снова слышали их в своем воображении — те зловещие хлопки, что разожгли огоньки недоверия, в разгоревшемся пламени которого многие старые соседи взглянули друг на друга как незнакомцы на незнакомцев.

Хозяину фермы «Речная Долина» Герберту Уильяму Клаттеру было сорок восемь лет, и в результате недавнего медицинского обследования, сделанного для получения страхового полиса, выяснилось, что он в отличной форме. Несмотря на то что мистер Клаттер носил изящные очки без оправы и роста был среднего — пять футов десять дюймов, — внешность он имел мужественную. Плечи у него были широкие, волосы до сих пор оставались темными, волевое лицо с квадратным подбородком сохранило здоровый цвет молодости, а зубы, белоснежные и такие крепкие, что он легко разгрызал грецкий орех, были все до единого целы. Он весил сто пятьдесят четыре фунта — ровно столько, сколько в тот день, когда окончил Канзасский университет, где приумножил свои познания в сельском хозяйстве. Мистер Клаттер был не так состоятелен, как главный богач Холкомба мистер Тейлор Джонс, владелец соседнего ранчо, зато из всех местных жителей пользовался самой широкой известностью, причем не только в Холкомбе, но и в Гарден-Сити, расположенном неподалеку центре округа, где он возглавлял комитет по строительству недавно завершенного здания Первой методистской церкви — монументального сооружения стоимостью восемьсот тысяч долларов. В настоящее время мистер Клаттер являлся председателем Канзасской конференции фермерских хозяйств, и его имя с уважением произносили не только фермеры всего Среднего Запада, но и многие чиновники в ведомствах Вашингтона: во времена Эйзенхауэра он был членом Федеральной фермерской кредитной комиссии.

Мистер Клаттер всегда знал, что ему нужно от жизни, и все, что хотел, в общем, уже получил. На левой руке, на обручке пальца — одну фалангу он себе много лет назад отхватил каким-то сельскохозяйственным механизмом, — мистер Клаттер носил простое золотое кольцо; уже четверть века оно являлось символом его женитьбы на той, на ком он хотел жениться, — сестре его однокурсника в колледже, робкой, набожной и утонченной девушке по имени Бонни Фокс. Бонни была на три года моложе мужа. Она подарила ему четверых детей — трех дочек и наконец сына. Старшая дочь, Эвиана, уже вышла замуж и десять месяцев назад родила мальчика. Она жила в северном Иллинойсе, но часто навещалась в Холкомб. Кстати сказать, ее очередного визита ждали через две недели — с ребенком и с мужем: ее родители собирались устроить на День благодарения торжественный сбор клана Клаттеров (берущего начало из Германии; первый иммигрант Клаттер — или Клоттер, как тогда писалась эта фамилия, — приехал сюда в 1880 году). Были приглашены все родственники — пятьдесят с лишним человек; должны были приехать даже те, что жили у черта на рогах — в Палатке, штат Флорида. Беверли, вторая по старшинству после Эвианы, тоже покинула «Речную Долину»; теперь она жила в Канзас-Сити, училась там на медсестру. Беверли была помолвлена с юным студентом-биологом; ее отцу он пришелся весьма по душе. Приглашения на свадьбу, назначенную на рождественскую неделю, были уже напечатаны. Таким образом, в доме помимо родителей оставались еще Кеньон, который в свои пятнадцать лет был уже на голову выше отца, и третья сестра, на год старше Кеньона, — любимица всего Холкомба Нэнси.

В отношении семьи у мистера Клаттера был лишь один серьезный повод для беспокойства — здоровье жены. Она была «нервной», у нее случались «небольшие срывы», как деликатно именовали это близкие. Конечно же,

«недомогания бедной Бонни» ни в коей мере не являлись секретом для окружающих, все знали, что последние шесть лет она то и дело лечилась у психиатра. И все-таки даже над этой теневой стороной дома совсем недавно блеснул солнечный луч. В прошлую среду, вернувшись после двухнедельного пребывания в медицинском центре Уэсли в Уичито, где она обычно пряталась от мира, миссис Клаттер принесла своему мужу почти невероятное известие. Она с радостью сообщила ему, что причина ее несчастий, как наконец-то установили врачи, кроется не в голове, а в позвоночнике. Причина сугубо физиологическая — ущемление нерва. Разумеется, ей придется лечь на операцию, зато потом — о! — она снова станет «собой прежней». Неужели это возможно? Постоянное напряжение, замкнутость, рыдания в подушку за закрытыми дверьми — неужели всем этим она обязана всего лишь смещению каких-то там позвонков? Если так, тогда мистеру Клаттеру перед трапезой в День благодарения останется только вознести Господу ничем не омраченную благодарственную молитву.

Как правило, утро мистера Клаттера начиналось в половине седьмого: обычно его будило звяканье ведер с молоком и шепот мальчишек, которые их приносили, — сыновей Вика Ирзика. Но сегодня график был нарушен, сыновья Вика Ирзика пришли и ушли, а он их даже не услышал и встал с опозданием. Вчерашний вечер — пятница, тринадцатое — был довольно утомительным, хотя и приятным. Бонни вспомнила «себя прежнюю», словно в залог своей будущей нормальности и энергии, которая скоро к ней возвратится. Она накрасила губы, долго возилась с прической и, надев новое платье, отправилась с мужем в холкомбскую школу, посмотреть самодеятельную постановку «Тома Сойера», где Нэнси играла Бекки Тэтчер. Мистер Клаттер радовался тому, что Бонни показалась на людях, что она хоть и нервничает, но все-таки улыбается,

разговаривая с другими родителями. И оба они гордились своей Нэнси: она так хорошо играла, ни словечка не забыла, а уж выглядела, как он сказал ей, когда поздравлял за кулисами, «просто очаровательно, моя милая, — настоящая красавица-южанка». После чего Нэнси, как и подобает красавицам-южанкам, сделала реверанс, шурша юбкой с кринолином, а потом спросила, нельзя ли ей съездить в Гарден-Сити? В половине двенадцатого ночи в окружном театре показывают *особый* — ведь сегодня пятница, тринадцатое — фильм ужасов, и *все* ее друзья там будут. При других обстоятельствах мистер Клаттер не разрешил бы. Правила есть правила, и одно из них гласит: Нэнси — и Кеньон тоже — должны быть дома к десяти вечера по будням и к двенадцати по субботам. Но, размякнув от радостных событий этого вечера, он уступил, и Нэнси вернулась домой только около двух. Он слышал, как дочь приехала, и позвал ее; мистер Клаттер не любил повышать голос, но ему нужно было сказать Нэнси пару простых вещей, касающихся не столько позднего возвращения, сколько юнца, который ее привез, — баскетбольного героя школы Бобби Раппа.

Мистер Клаттер относился к Бобби неплохо и считал, что для своего возраста — то есть для семнадцати лет — это довольно-таки надежный и порядочный парень; однако с тех пор, как три года назад Нэнси было позволено ходить на «свидания», она ни с кем, кроме Бобби, не общалась, и хотя мистер Клаттер понимал, что у нынешних подростков принято ходить парами, «дружить» и обмениваться «обручальными» кольцами, он не одобрял этой моды, особенно после того, как недавно застал свою дочь и Бобби, когда они целовались. Тогда он предложил Нэнси перестать «так часто встречаться с Бобби», пояснив, что постепенное отдаление сейчас будет менее болезненным, чем резкий разрыв потом, — ибо, напомнил он ей, рано или поздно это все равно произойдет. Раппы были

католиками, Клаттеры — методистами, и одного этого хватало, чтобы разрушить все мечты о будущем браке, которые могли лелеять их дети. Нэнси вняла голосу разума — во всяком случае, спорить не стала, — и сейчас, прежде чем пожелать ей спокойной ночи, мистер Клаттер взял с нее обещание, что она начнет понемногу бросать Бобби.

Однако все это прискорбным образом помешало ему лечь спать в обычное время — в одиннадцать. В результате, когда он проснулся в субботу, четырнадцатого ноября, было уже значительно больше семи. Жена его всегда спала сколько было возможно, но мистер Клаттер, бреясь, принимая душ и надевая габардиновые брюки, кожаную куртку и мягкие сапоги для верховой езды, не опасался потревожить ее сон. Уже несколько лет он спал один в хозяйской спальне на нижнем этаже двухэтажного кирпичного дома на четырнадцать комнат. Что до Бонни, то она хотя и держала всю одежду в шкафах их общей спальни, а немногочисленную косметику и несметное количество лекарств — в смежной с ней ванной, выложенной голубым кафелем, сама прочно пустила корни в бывшей комнате Эвианы, которая, как и спальни Нэнси и Кеньона, располагалась на втором этаже.

Дом — а проект в значительной мере был придуман самим мистером Клаттером, который при этом проявил себя весьма трезвомыслящим и практичным, хотя и не слишком заботящимся о красоте архитектором, — был построен в 1948 году. На строительство ушло сорок тысяч долларов; теперь продажная стоимость дома равнялась шестидесяти тысячам. Симпатичный беленький особнячок, стоящий в конце длинной тенистой аллеи китайских вязов, на широкой ухоженной лужайке, засаженной бермудской травой, производил на жителей Холкомба огромное впечатление; проходя мимо, они почти всегда останавливались и показывали на него пальцем. Что касается интерьера, то здесь сияние звонких лакированных поло-

виц приглушалось топкими коврами цвета сырой печенки; необъятный суперсовременный диван в гостиной был покрыт буклированным покрывалом, перекликающимся по цвету с блестящими столиками из серебристого металла. Главной достопримечательностью ниши для завтраков была покрытая бело-голубым пластиком скамья. Именно такого рода мебель нравилась мистеру и миссис Клаттер — а также почти всем их знакомым, чьи дома были обставлены в том же духе.

Домашней прислуги у Клаттеров не было — только домработница, которая приходила по будням; поэтому после того, как заболела Бонни, а старшие дочери разъехались, мистеру Клаттеру волей-неволей пришлось научиться стряпать. Он сам или Нэнси — но преимущественно Нэнси — готовили на всю семью. Мистеру Клаттеру нравилось вести хозяйство, и он прекрасно справлялся — ни одной женщине в Канзасе не удавалось лучше его испечь каравай из пресного теста, а его знаменитое кокосовое печенье на благотворительных ярмарках шло нарасхват. Впрочем, сам он не был большим любителем поесть; в отличие от своих домочадцев мистер Клаттер, пожалуй, даже предпочитал спартанский завтрак. В то утро он ограничился стаканом молока и яблоком. Мистер Клаттер не употреблял ни чая, ни кофе и привык начинать день без горячего. Он принципиально отвергал любые стимуляторы, даже самые безобидные. Он не курил и, разумеется, не пил; более того, он ни разу в жизни не пробовал алкоголя и избегал тех, кто пробовал. Впрочем, это обстоятельство не так сильно сузило круг его общения, как можно было бы предположить, поскольку круг этот составляли в основном члены Первой методистской церкви Гарден-Сити, насчитывающей семнадцать тысяч прихожан, и большинство из них отличались желанной мистеру Клаттеру воздержанностью. Несмотря на то что он старался никому не навязывать своих взглядов и не подвергал цензуре

то, что лежит вне сферы его влияния, в своей семье и среди наемных работников он насаждал их весьма активно. «Вы пьете?» — был первый вопрос, который мистер Клаттер задавал всякому, кто приходил наниматься, и даже если кандидат отвечал отрицательно, ему все равно приходилось подписывать контракт, содержащий пункт, согласно которому за «хранение алкоголя» работнику грозило немедленное увольнение. Один приятель мистера Клаттера, старый пионер-фермер мистер Линк Рассел, как-то сказал ему: «Ты слишком безжалостен. Готов поклясться, Герб, если ты застукаешь работника с бутылкой, он тут же вылетит из твоего дома. А что его семья будет голодать, тебе плевать». Этот упрек был, вероятно, единственным, который когда-либо заслужил мистер Клаттер в роли работодателя. В остальном же его знали как человека невозмутимого и отзывчивого, всем было известно, что он платит щедро и частенько выдает премиальные; у его наемных работников — а их порой набиралось до восемнадцати человек — не было причин жаловаться.

Допив молоко, мистер Клаттер надел меховую кепку и, прихватив яблоко, вышел на крыльцо взглянуть, какое нынче выдалось утро. Погода была самая подходящая для того, чтобы со вкусом сгрызть яблоко: с чистейшего неба струилось светлейшее сияние, восточный ветер, не позволяя себе разгуляться в полную силу, слегка шелестел последними листьями вязов. Осень вознаграждала Канзас за все зло, причиняемое прочими временами года, — за жестокие зимние ветра, дующие из Колорадо и наметающие высокие сугробы, в которых гибнут овцы; за слякоть и низкий тяжелый туман весенней поры; за лето, когда даже вороны ищут хоть какую-то тень, а золотые колосья сверкают под солнцем так, что больно глазам. Но, наконец, в сентябре погода меняется и наступает бабье лето, которое в иные годы тянется до самого Рождества. Пока мистер Клаттер любовался чудесным образчиком этого времени года, к нему присоединился дворовый пес — помесь

колли не пойми с чем, — и они вместе прошлись до загона, примыкающего к одному из трех амбаров, имевшихся на участке.

Первый амбар — огромный сборный дом из гофрированного железа — был доверху набит уэстлендским сорго; в другом высилась островерхая гора проса — на сто тысяч долларов. Эта сумма на четыре тысячи процентов превышала весь доход мистера Клаттера за 1934 год — год, когда он женился на Бонни Фокс и вместе с ней переехал из родного Розела в Гарден-Сити, где устроился помощником сельскохозяйственного агента округа Финней. Примечательно, что ему понадобилось всего каких-то семь месяцев, чтобы продвинуться по службе — то есть занять место своего начальника. За годы, что он занимал этот пост, прогресс пришел и в этот край, который с тех самых пор, как здесь появился белый человек, всегда был пыльным нищим захолустьем. Молодой Герберт Клаттер виртуозно постигал новейшие методы в области сельского хозяйства, и ему вполне хватало умения, чтобы выступать посредником между правительством и унылыми фермерами. Людям нравились оптимизм и грамотные советы приятного молодого человека, который, казалось, знает свое дело. Но все равно он занимался не тем, чем ему хотелось; Герберт, сын фермера, всегда жаждал обрабатывать *свою* землю. Проработав четыре года агентом, он отказался от должности и на участке, арендованном на взятые займы деньги, основал ферму «Речная Долина» (название, оправданное, конечно же, только близостью извилистой реки Арканзас; никакой долины тут и в помине не было). Те, кто привык жить по старинке, следили за этим его начинанием с недоверчивым любопытством — старожилы и раньше не упустили случая посмеяться над молодым агентом по поводу его университетских понятий: «Это все замечательно, Герб. Ты всегда знаешь, что надо делать с чужой землей. Сажайте то, террасируйте сё. Интересно, что бы ты сказал, будь это твоя земля».

Скептики ошибались — эксперимент выскочки оказался успешным, отчасти благодаря тому, что в первые годы он вкалывал по восемнадцать часов в сутки. Случались и неудачи — два раза не уродилась пшеница, а один раз снежная вьюга погубила несколько сотен овец. Но через десять лет владения Клаттера уже состояли из восьми тысяч акров, принадлежавших ему безраздельно, и еще трех тысяч, которые он брал в аренду, — а это, как признавали его коллеги, был «очень неплохой кус». Пшеница, просо и кондиционные семена — вот на чем строилось благополучие фермы. Скот — овцы и особенно коровы — тоже играл немалую роль. Семьсот херсфордских коров носили тавро Клаттера, хотя по тем животным, что оставались в загоне, никто бы этого не сказал: загон предназначался для слабеньких бычков и дойных коров — а заодно для Нэнсиных кошек и всеобщей любимицы Крошки, старой разжиревшей ломовой лошади, которая никогда не отказывалась протопать по дороге, неся на своей широкой спине троих-четверых ребятишек.

Мистер Клаттер отдал Крошке огрызок яблока и поздоровался с мужчиной, который шуровал граблями за загородкой, — Альфредом Стоуклейном, единственным из работников, который жил у него на участке. Стоуклейны со своими тремя детьми обитали в домике, стоящем всего в ста ярдах от особняка Клаттеров; за этим исключением соседей у мистера Клаттера не было в радиусе полумили. Стоуклейн повернул к хозяину свою вытянутую физиономию с длинными коричневыми зубами и спросил:

— Я вам сегодня ни для чего такого не нужен? А то у нас болеют. Младшая наша. Мы с моей миссис всю ночь над ней просидели. Вот, думал к доктору ее сносить.

Мистер Клаттер, выразив сочувствие, сказал, что конечно, на все утро он его отпускает, а если они с женой могут чем-то помочь, пусть им дадут знать. Потом вдвоем с псом, который трусил впереди, он пошел на юг, в сторону полей, которые сейчас, после жатвы, были цвета львиной шкуры и отливали золотом стерни.

Этот путь вел к реке; неподалеку от берега был небольшой сад — персики, груши, вишни и яблони. По воспоминаниям местных жителей, пятьдесят лет назад лесорубу потребовалось всего десять минут, чтобы вырубить все деревья в западном Канзасе. Даже сегодня тут сажали только трехгранные тополя да китайские вязы, почти столь же равнодушные к воде, как кактусы. Хотя, как любил повторять мистер Клаттер, «еще бы на дюйм больше осадков, и эта земля стала бы просто Эдемом — раем на земле». Небольшой фруктовый сад возле реки был попыткой сотворить — есть дождь, нет ли — уголок того самого Эдема, того зеленеющего, благоухающего яблоками рая, который представлялся внутреннему взору мистера Клаттера. Жена его как-то сказала: «Мой муж об этих деревьях печется больше, чем о родных детях», и все в Холкомбе помнили тот день, когда маленький самолет, потеряв управление, бухнулся прямо на персиковые деревья. «Герб тогда словно с цепи сорвался. Пропеллер еще не остановился, а он уже поволок летчика в суд», — говорили соседи.

Мистер Клаттер шел садом вдоль реки, которая в этом месте была неглубока и вся усеяна островками — окруженными водой пляжами с мелким песочком, куда в былые времена, пока Бонни была еще в форме, по воскресеньям, в жаркие дни законного отдыха, привозили корзинки для пикника, и семья проводила день в ожидании, когда дернется кончик удилица.

Мистер Клаттер редко сталкивался с нарушением границ своей территории; за полторы мили от шоссе, да еще если учесть, что дорога едва различима, это было не то место, куда мог забрести случайный незнакомец. Но сейчас чужаков вдруг оказалась целая компания, и Тедди — так звали пса — с грозным рычанием ринулся вперед, что, вообще-то, было ему несвойственно. Хотя он был хорошим сторожем, всегда начеку и лаем мог разбудить мертвого, в его отваге был один изъян: стоило ему углядеть ружье — а все пятеро пришельцев были вооружены, — как голова

его клонила к земле, а хвост опускался. Никто не знал почему, поскольку никто не знал, что с ним было до того, как несколько лет назад его подобрал Кеньон. Незваные гости оказались охотниками на фазанов, приехавшими из Оклахомы. Охотничий сезон в Канзасе, самое яркое событие ноября, привлекает сюда толпы охотников из соседних штатов, и за последнюю неделю целый полк клетчатых кепок прошептал по осенним просторам, паля из ружей и срезая свинцовыми шариками дробь меднокрылых птиц, разжиревших на зерне. По обычаю, охотники, если только они не были приглашены в гости, платили хозяину за разрешение преследовать дичь на его земле; но когда оклахомцы предложили мистеру Клаттеру купить у него это право, он только рассмеялся.

— Я не так беден, как вам могло показаться. Ради бога, стреляйте сколько влезет, — сказал он и, вежливо прикоснувшись пальцами к козырьку кепки, повернул к дому, где его ждала каждодневная работа, не подозревая, что ему предстоит выполнить ее в последний раз.

Так же как мистер Клаттер, молодой человек, который завтракал в кафе под названием «Маленькое сокровище», никогда не пил кофе. Он предпочитал сладкое пиво. Три таблетки аспирина, холодное сладкое пиво и несколько сигарет «Пэлл-Мэлл» подряд — таково было его представление о нормальной «пайке». Он потягивал пиво, покурил и изучал разложенную на стойке карту Мексики — «Филипс-66». Только ему было трудно сосредоточиться, потому что он ждал друга, а друг опаздывал. Он посмотрел в окно на тихую улицу городка, на улицу, которую впервые увидел только вчера. Дика все не видать. Но он непременно появится — в конце концов, это Дик предложил встретиться, и «фарт» тоже его. А когда все будет сделано — в Мексику. Карта была рваная и такая замусоленная, что стала мягкой, как замша. В отеле за углом, где остановился этот молодой человек, у него в комнате была

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1	
ПОСЛЕДНИЕ, КТО ВИДЕЛ ИХ ЖИВЫМИ	11
Часть 2	
НЕИЗВЕСТНЫЕ ЛИЦА	99
Часть 3	
ОТВЕТ	193
Часть 4	
ПЕРЕКЛАДИНА	301